

УТВЕРЖДАЮ:

ПРОРЕКТОР

ФГБОУ ВО «Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»

Марголин А.М.

«10» ноября 2025 года

ОТЗЫВ ВЕДУЩЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» на диссертационную работу Кобелькова Руслана Александровича «Особенности противостояния внешней политики России и Сербии русофобии и сербофобии в период с 1991 по 2022 гг.», представленную на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.7. История международных отношений и внешней политики

Диссертационное исследование посвящено проблематике противостояния внешней политики России и Сербии феноменам русофобии и сербофобии в период 1991–2022 гг. Автор рассматривает русофобию и сербофобию как специфические формы политически мотивированной ксенофобии на международной арене, анализируя их историческую эволюцию, идеологическое содержание и влияние на внешнеполитические стратегии Москвы и Белграда. **Актуальность темы** не вызывает сомнений: в современных условиях глобальной турбулентности и информационных войн русофобские и сербофобские установки стали заметным фактором, влияющим на принятие внешнеполитических решений и имидж государств на мировой арене. **Научная проблема**, которую решает диссертант, состоит в противоречии между высоким уровнем политизации отношений с Россией и

Сербией (проявляющимся в форме русофобских и сербофобских дискурсов) и недостаточной теоретической разработанностью сравнительного анализа этих явлений. Имеющиеся исследования, как справедливо отмечает автор, либо фрагментарно рассматривают русофобию и сербофобию в отдельных национальных контекстах, либо ограничиваются публицистическими оценками. Вследствие этого возникает научная неопределенность: не хватало целостной концепции, объясняющей **механизмы институционализации, идеологические корни и политическую направленность** указанных ксенофобских феноменов, а также их влияние на внешнюю политику двух государств.

Цель исследования четко определена и заключается в выявлении исторических корней, основных форм проявления и механизмов институционализации русофобии и сербофобии, а также в определении стратегий внешнеполитического и культурно-гуманитарного противодействия им в рамках российско-сербских отношений. Таким образом, цель ориентирована на всестороннее осмысление явлений русофобии и сербофобии как связанных феноменов – с акцентом как на их **историко-идеологическую общность**, так и на выработку практических мер противодействия.

В соответствии с указанной целью в работе поставлены конкретные **задачи исследования**, отражающие структурированность подхода: проанализировать историю формирования феномена русофобии в международных отношениях и его эволюцию как инструмента геополитической борьбы; исследовать генезис сербофобии в контексте внешнеполитических интересов ведущих мировых и региональных акторов, включая роль Запада в формировании негативного образа Сербии; выявить общие черты и различия между русофобией и сербофобией как формами цивилизационного и политико-информационного противостояния; оценить современные проявления русофобии и сербофобии в СМИ, международной дипломатии и культурной политике; изучить официальные стратегии и инициативы России и Сербии по защите своих национальных интересов,

идентичности и репутации на международной арене; сформулировать практические рекомендации по укреплению российско-сербского сотрудничества в гуманитарной сфере, информационной безопасности и внешней культурной дипломатии в контексте борьбы с ксенофобскими проявлениями.

Объект и предмет исследования определены в соответствии с паспортом специальности. Объектом выступает внешнеполитическая деятельность Российской Федерации и Республики Сербия, направленная на противодействие русофобии и сербофобии как форм идеологической и информационной агрессии. Предметом же является эволюция стратегий и механизмов, применяемых Москвой и Белградом в борьбе с проявлениями русофобии и сербофобии в историческом и современном международном контексте, включая их институциональные, дискурсивные и собственно внешнеполитические формы. Таким образом, исследование фокусируется на динамике ответных мер двух стран на внешнее давление, построенное на ксенофобских стереотипах.

Научная новизна исследования раскрывается в нескольких пунктах. Диссертант сформулировал ряд новых научных результатов, отражающих оригинальный вклад в изучение проблемы:

1. Впервые осуществлен комплексный сравнительный анализ русофобии и сербофобии как взаимосвязанных форм идеологического противостояния. Если ранее указанные явления изучались разрозненно (руссофобия – преимущественно в контексте отношения Запада к России, сербофобия – в контексте балканских конфликтов), то автор сопоставил их в единой концептуальной рамке. Новизна заключается в трактовке русофобии и сербофобии именно как родственных политико-культурных конструктов с общими цивилизационными корнями и сходными функциями в международных отношениях. В работе обосновано, что обе эти ксенофобии имеют долгую историческую преемственность, питаются схожими стереотипами («чуждая»,

«угрожающая» сила) и воспроизводясь на разных этапах мировой истории в сходных сценариях, будь то информационные кампании XIX века или современные медиавойны.

2. Русофобия и сербофобия впервые рассмотрены не только как спонтанные проявления ксенофобии, но и как институционализованные внешнеполитические стратегии. Автор новаторски интерпретирует их как сознательно конструируемые и используемые определенными государствами и международными структурами идеологические доктрины. В ходе исследования показано, что в западной политической практике русофобские и сербофобские нарративы выполняют роль инструмента: через них формируется образ «удобного врага» или «изгоя», оправдываются политики сдерживания, санкций и интервенций. В частности, доказано, что русофобия и сербофобия служат для делегитимации международных позиций Москвы и Белграда и ограничения их субъектности, например, через риторику о «недемократичности» или «агрессивности» этих стран. Такой институциональный подход к понятиям вводится автором впервые и означает существенное углубление теории международных отношений в части понимания роли идеологии и пропаганды.
3. Разработана оригинальная типология форм идеологического давления на государства, базирующаяся на сравнительном изучении русофобских и сербофобских практик. Автор выделил и подробно охарактеризовал три ключевых механизма дискриминации и двойных стандартов, применяемых к России и Сербии на международной арене. Во-первых, делегитимационное давление – подрыв международного авторитета страны через изображение ее политики как «неправомерной», «агрессивной», например, представление действий России в конфликтах как угрозы всему миру, либо обвинение сербской стороны в исключительной виновности в балканских войнах. Во-вторых, изоляционное давление – намеренное исключение страны из международных форматов сотрудничества, клубов и организаций.

Яркие примеры – приостановка членства России в G8, ограничение права голоса в ПАСЕ в 2014–2019 гг., попытки заблокировать участие Сербии в интеграционных инициативах без признания Косово. В-третьих, моралистическое давление – избирательное апеллирование к универсальным гуманитарным ценностям и международному праву с позиции «двойных стандартов». Автор приводит многочисленные примеры, когда к действиям России и Сербии предъявлялись завышенные морально-правовые требования, тогда как аналогичные действия других государств оставались без критики. Эта типология предложена автором впервые и является существенным научным результатом: она не только описывает механизмы ксенофобского давления, но и создает основу для разработки мер противодействия таким дискриминационным практикам.

4. Обоснована структурная близость и историческая взаимосвязь русофобии и сербофобии. В работе убедительно показано, что западный антироссийский дискурс и антисербский дискурс в XX–XXI вв. развивались в значительной степени параллельно и взаимно подкрепляли друг друга. Новаторским является вывод о том, что образ Сербии на Западе во многом формировался как «балканское отражение» образа России: сербов нередко демонизировали как «балканских русских», проводя параллели между политикой Москвы и Белграда и представляя их общим цивилизационным вызовом. Автор впервые на большом эмпирическом материале, включая анализ западноевропейских карикатур XIX в., пропаганды периода НАТОвских бомбардировок 1999 г. и современных медиа, показал, что устойчивые стереотипы («русский медведь», «сербские палачи») имеют общие корни и сходную функциональную нагрузку. Этот вывод восполняет историографический пробел, так как ранее подобный сравнительный ракурс практически не применялся.
5. Дано комплексное историко-политическое осмысление эволюции русофобии и сербофобии на протяжении нескольких столетий, с

акцентом на постбиполярный период. Автор привлекает обширную источниковую базу – архивные документы МИД СССР/РФ и Югославии, шифротелеграммы, стенограммы переговоров, международные договоры, официальные стратегии России и Сербии, выступления лидеров, доклады международных организаций, материалы СМИ – что позволило впервые реконструировать практику противостояния двум взаимосвязанным ксенофобским дискурсам в динамике. Новизна проявляется в самом подходе: анализ охватывает значимые исторические события, такие как Крымская война 1850-х, политика Австро-Венгрии начала XX в., Вторая мировая война, войны 1990-х на Балканах, кризисы 2014 и 2022 гг., а также их взаимные отражения, к примеру, влияние политики непризнания Косово на российскую позицию по Крыму и Донбассу, и наоборот. В результате получено новое целостное видение того, как одна и та же идеологема «ненависти к славянскому Востоку» адаптируется под различные исторические обстоятельства, оставаясь при этом инструментом геополитической борьбы.

Полученные научные результаты существенно расширяют понятийно-теоретический аппарат исследования международных отношений, предлагая новый взгляд на роль идеологической агрессии как фактора внешнеполитической стратегии. Исследование обладает также значительным практическим потенциалом. Исследование интересно и в практических аспектах, поскольку автор не ограничился теоретическими выводами, но и разработал рекомендации, способные найти применение в дипломатической и информационно-гуманитарной деятельности.

На защиту выносятся положения высокого прикладного потенциала, в частности новая типология форм идеологического давления, которая может быть использована для мониторинга международной информационной среды и разработки мер контрпропаганды.

Кобельковым Р.А. обоснованно доказана **научная гипотеза** о том, что

русофобия и сербофобия имеют общие цивилизационные и геополитические корни. В рассматриваемых в рамках работы хронологических рамках русофобия и сербофобия выступают инструментами внешнеполитического давления коллективного Запада, направленными на ослабление международных позиций России и Сербии, а их реакцией, в свою очередь, стало развитие собственных гуманитарных, культурных и дипломатических стратегий, призванных укрепить национальную идентичность, международный имидж и создать альтернативные центры «мягкой силы».

Таким образом, данные явления рассматриваются в работе не как частные проявления ксенофобии, а как структурные элементы идеологической конфронтации, определяющие внешнеполитическую динамику и способствующие сближению России и Сербии на международной арене.

Структура исследования логично отражает поставленные задачи. В первой главе диссертант проводит концептуальный анализ ключевых понятий и закладывает основу сравнительного подхода. Особо следует отметить, что автор дал четкие дефиниции русофобии и сербофобии, охарактеризовав их как устойчивые системы негативных стереотипов и предубеждений по отношению к России и Сербии, эволюционировавшие в идеологемы, используемые в политических целях. Эта теоретическая часть отличается глубиной: диссертант разграничивает русофобию/сербофобию как иррациональную ненавистническую идеологию – в противоположность обоснованной критике политики государства. В главе подробно рассмотрены исторические корни обоих явлений: показано, как на Западе с XVIII века формировался образ «Россия – восточная деспотия», а в Центральной Европе – образ «сербы – варвары». Автор убедительно демонстрирует, что еще задолго до XX века заложились стереотипы, позднее эксплуатировавшиеся в период холодной войны и балканских войн.

Во второй главе проведен обстоятельный анализ того, как эти явления повлияли на формирование и эволюцию внешнеполитических доктрин двух стран после окончания холодной войны. Автор по-новому освещает ряд важных исторических этапов. В частности, показано, что в 1990-е годы рост

русофобских настроений на Западе (особенно в контексте расширения НАТО и освещения первой чеченской кампании) стал одним из факторов разочарования руководства РФ в «партнерстве» с Западом, что подтолкнуло смену внешнеполитического курса от прозападного к многовекторному.

Автором убедительно показано, что сербофобская кампания 1990-х годов привела к почти полной международной изоляции Сербии и объективно сузила дипломатическое поле для Белграда.

Диссертант обращает внимание, что уже с 2000-х годов Белград выработал своеобразную стратегию дипломатического нейтралитета: стремясь в ЕС, Сербия, тем не менее, не порвала отношений с традиционными союзниками, Россией и Китаем. Этот тонкий баланс автор называет «политикой мягкого сопротивления», демонстрируя, что сербская дипломатия научилась маневрировать между центрами силы, отвергая откровенно дискриминационные требования, например, отказ признать Косово, присоединиться к санкциям, и одновременно предлагая себя как конструктивного партнера, участие в миротворческих инициативах, диалог с Приштиной при посредничестве ЕС, многовекторные инвестиционные проекты. В числе значимых примеров – отказ Сербии вводить санкции против России вопреки давлению ЕС, а также в 2015 г. – блокирование резолюции СБ ООН по Сребренице, в 2022 г. – согласованная гуманитарная политика, поставки энергоносителей и вакцин. Автор подчеркивает, что в этих действиях проявляется солидарность двух стран перед лицом двойных стандартов.

Отдельный интерес представляет сравнительный раздел главы 2, где обобщаются общее и особенное в противодействии России и Сербии ксенофобским установкам. Автор приходит к выводу, что при всех различиях международного статуса и возможностей, стратегии Москвы и Белграда имеют много общего: опора на историческую правду, апелляция к международному праву, использование «мягкой силы».

Третья глава имеет прикладной характер и посвящена выявлению конкретных инструментов, с помощью которых Россия и Сербия противостоят дискриминации и двойным стандартам. Эта глава демонстрирует

практическую ценность исследования, так как обобщает уникальный опыт стран, сопротивляющихся внешнему идеологическому давлению.

В целом, диссертация производит положительное впечатление зрелого, целостного исследования, в котором теоретический анализ органично сочетается с эмпирическим материалом, а выводы имеют как научное, так и практическое значение. **Заслуживает особого одобрения ряд положительных моментов:**

Во-первых, работа опирается на чрезвычайно широкую и разноплановую источниковую базу. Автор привлек архивные документы Министерства иностранных дел РФ, ГА РФ, Архива Югославии, редкие стенограммы переговоров 1990-х гг., материалы ООН, ОБСЕ, Совета Европы, законодательные акты, стратегические доктрины, официальные заявления руководства РФ и РС, отчеты неправительственных организаций (Human Rights Watch, Freedom House и др.), аналитику ведущих СМИ России, Сербии, США, Великобритании, Германии, Балканских стран. Впечатляет умение диссертанта критически анализировать столь разнородные сведения, сопоставляя их и выявляя скрытые идеологемы. Обилие конкретных примеров (более 300 ссылок на источники) свидетельствует о глубокой проработке материала и придает аргументации убедительность.

Во-вторых, методологический аппарат исследования заслуживает высокой оценки. Автор творчески применил междисциплинарный подход, сочетая исторические методы с инструментарием политологии и международных отношений. Особо ценно использование дискурс-анализа: диссертант внимательно изучил язык и риторику медиа, политических документов, академических текстов, что позволило вскрыть именно идеологические конструкции, например, сравнение лексики британской прессы XIX в., нацистской пропаганды 1940-х и современной журналистики показывает преемственность русофобских клише.

В-третьих, следует отметить сбалансированность и объективность выводов. Несмотря на остроту рассматриваемой темы и очевидную симпатию автора к предмету исследования, диссертация не скатывается в

пристрастность или односторонность. Автор стремится всюду опираться на факты и документы, при необходимости признает и негативные стороны политики как России, так и Сербии. Так, указывается на допущенные просчеты во внешней политике 1990-х гг., на безрезультатность некоторых пропагандистских шагов. Это говорит о научной добросовестности исследователя. В тексте выдержан академически аргументированный стиль, в то же время изложение яркое, с хорошим аналитическим напором.

В-четвертых, работа имеет высокий прикладной потенциал. Практически все положения, выносимые на защиту, содержат конкретную новизну, которая может найти применение. Например, предложенная типология давлений (делегитимационного, изоляционного, моралистического) вполне может быть использована Министерством иностранных дел при мониторинге информационной среды. Рекомендации по усилению российско-сербской координации в гуманитарной сфере, безусловно, интересны профильным ведомствам – МИД, Минобороны, Россотрудничеству. Диссертантом фактически разработан научно обоснованный комплекс мер: от совместных медийных проектов, например, предлагается расширить вещание на Балканы на сербском языке, до идей создания двусторонних экспертных площадок по противодействию фальсификации истории. Эти идеи могут быть внедрены в практику сотрудничества России и Сербии, а также взяты на вооружение другими странами, сталкивающимися с проблемой дискриминационных дискурсов.

Разумеется, **исследование не лишено отдельных недостатков**, на которые целесообразно обратить внимание. Приведенные замечания носят частный характер и не умаляют достоинств диссертации, однако их учет мог бы усилить некоторые разделы работы:

Во-первых, избыточная широта хронологических рамок. Автор охватывает период более чем в 30 лет (1991–2022), при этом делает обширные исторические экскурсы вплоть до XIX века. Столь масштабный охват материала иногда приводит к тому, что отдельные эпизоды рассматриваются несколько схематично. Например, анализ отдельных этапов балканских войн